

К.В. Лифанов (Москва, Россия)

Проблемные единицы фонологической системы словацкого литературного языка

Аннотация: В статье рассматривается судьба проблемных единиц фонологической системы словацкого литературного языка – вокалической фонемы [ä] и консонантной фонемы [ɾ], которые имеют значительные сходства в своей истории в новом литературном языке, но разные конечные результаты. Обе эти фонемы по разным причинам не были кодифицированы Л. Штуром, но одновременно введены в литературный язык в компромиссной «Краткой словацкой грамматике» 1852 г. Закрепление обеих фонем в литературном языке первоначально происходило сложно, причем с бóльшим успехом приживалась фонема [ä], так как в орфографии обозначающая ее буква довольно быстро стала употребляться в соответствии с кодификацией, а соответствующий звук стал знаком сценического произношения. В дальнейшем, однако, этот процесс приостановился, и звук ä, а также соответствующая фонема стали утрачиваться. В настоящее время мы наблюдаем заключительную фазу этого процесса. Закрепление фонемы [ɾ] в словацком литературном языке протекало неравномерно под влиянием орфографии. В настоящее время нормой является произношение ɾ в позиции абсолютного конца слова, перед согласным и перед гласным непятого ряда, в которых мягкость обозначается на письме, и произношение l перед гласными пятого ряда и i-образными дифтонгами, где мягкость специальным знаком не обозначается. Норма, однако, существенно расходится с действующей кодификацией, которая требует произносить ɾ в обоих случаях.

Ключевые слова: фонема, графема, кодификация, сценическое произношение, орфография, позиция

K.V. Lifanov (Moscow, Russia)

Problem Units of the Phonological System in the Slovak Literary Language

Abstract: The article discusses the fate of the problem units of the phonological system in the Slovak literary language. These are the vocal phoneme [ä] and the consonant phoneme [ɾ], that have significant similarities in their history in the new literary language, but different final results. Both of these phonemes were not codified by Ľ. Štúr for various reasons, but were simultaneously introduced into the literary language in the

compromise “Brief Slovak grammar” of 1852. The Fixing both phonemes in the literary language was initially difficult, but the phoneme [ä] was accustomed with great success, as in spelling the letter denoting its quickly began to be used in accordance with the codification, and the corresponding sound became a sign of stage pronunciation. Later on, however, this process stopped and the sound [ä] as well as the corresponding phoneme happened to be lost. We are currently witnessing the final phase of this process. The phoneme fixation of [ɽ] in the Slovak literary language went on unevenly under the influence of spelling. Currently, the norm of the pronunciation [ɽ] is in the position of the absolute end of the word, before the consonant and before the vowel of the non-front row, in which softness is indicated on the letter, and the pronunciation [l] is before the vowels of the front row and i-shaped diphthongs, where softness is not indicated by a special sign. The norm, however, differs significantly from the current codification, which requires the pronunciation [ɽ] in both cases.

Key words: phoneme, grapheme, codification, stage pronunciation, spelling, position

В орфоэпии современного словацкого литературного языка существует довольно значительное количество чувствительных зон, в которых нередки отклонения от литературного произношения. К их числу относятся, например, нарушения количества гласных, сбой в реализации ритмического сокращения долгих гласных, отсутствие противопоставления по долготе и краткости слоговых /ɾ/ и /l/, произношение на месте дифтонгов /ie/, /ia/, /iu/ сочетаний соответствующих кратких гласных с j, а на месте дифтонга /uo/ (графически ô) сочетания vo, произнесение в конце слога глухого согласного /f/ вместо билабиального /u/ и др. [Sabol 1997: 146]. Истоки этих проблемных зон в орфоэпии восходят к значительным различиям между словацкими диалектами. Поскольку в основе фонетической системы словацкого литературного языка лежит соответствующая система среднесловацкого диалекта, элементы других диалектов, в большом количестве проникающие в речь пользователей литературного языка, и создают указанные проблемы. Это проявляется даже на коллективном уровне, поскольку пользователи литературным языком одного региона часто имеют одни и те же отклонения от орфоэпических норм литературного языка, поэтому в последние десятилетия стали говорить о территориальных вариантах литературного языка и рассматривать их как региональные субстандарты [Slančová, Sokolová 2011; Patráš 2012].

Вместе с тем некоторые фонетические отклонения, характеризующие словацкий литературный язык, выходят за рамки орфоэпии и проецируются на фонологический уровень. Эти отклонения имеют не региональный, а общесловацкий характер, хотя, естественно, их истоками также являются различия диалектного характера. При этом такого рода явления обусловлены спецификой развития фонетической системы словацкого литературного языка и затрагивают прежде всего специфический словацкий звук «широкое открытое е», обозначаемый графемой ä и мягкое ɽ, но не особенности их произношения, а функционирование и соответствие системе.

Звук ä реально представлен в ряде говоров среднесловацкого диалекта главным образом в позиции после губных согласных как рефлекс праславянского *ę, а также sporadически на месте гласного а в позиции после заднеязычных согласных как результат их палатализации, проходившей предположительно в XII в. В окраинных оравских говорах на самом севере среднесловацкого региона, а также в

гемерских говорах на крайнем юго-востоке этот звук представлен значительно шире как рефлекс носового **ɛ̃* в позиции после любых согласных, а не только губных, а также на месте гласного *a* в позиции после заднеязычных (спорадически) и функционально мягких согласных [Štolc 1994: 24]. В этих же окраинных говорах его долгим коррелятом является «широкое открытое *e* долгое» [ǎ], тогда как в остальных говорах – дифтонг [ia].

В первой кодификации словацкого литературного языка А. Бернолака (1787–1790), введившего в литературный язык значительное количество среднесловацких элементов главным образом как допустимых наряду с основными западнословацкими [Лифанов 2013], звук *ä* кодифицирован не был несмотря на то, что ее автор был родом с самого севера среднесловацкого региона, где этот звук представлен особенно широко; ср. примеры: *maso, pat' / pét'* (совр. слов. *mäso, päť'*; чешск. *maso, pět'*) [Bernolák 1964].

Стремление зафиксировать звук *ä* на письме при помощи специальной графемы проявляется стихийно еще до кодификации современного словацкого литературного языка, осуществленной в 40-е гг. XIX в. Л. Штуром, что мы наблюдаем, например, в записях словацких народных песен Я. Коллара и С.Б. Гробоня, стихотворении С. Халупки или даже в словакизированных чешских прозаических текстах М. Годры в альманахе «Зора» в 30–40 гг. XIX в.; ср. примеры:

Sedí ptašok vo vrbine, zima tam,
kedy *sä jä* mladej ženy dočekám?
Dočekám *sä* mladej ženy na jeseň,
keď odpadne drobný lístok s čerešieň.
Včera večer moja milá plakala,
že som zaspal pod obločkom do rána.
Neplač, milá, veď *tä* vezmem na jeseň,
keď, odpadne drobný lístok z čerešieň [Kollár 1953 / 1834–35: 421–422].

Šuhajova mati tak mi neodkazuj,
Ale si synáčka ku stolu *priväzuj* [Hroboň 1841].

Mladá som ja, mladá
Umrjet' mi nesladně,
Škoda kvetu, škoda,
Čo před časom *vädně* (Халупка¹).

Slávný doháň *dorábäjú* Slováci v Štítníku (Četnek), v Rybě, při Ipli, a dobré í v Báčské stolici okolo Kulpína [Godra 1835: 231]; I tvých, panno, libých *zvädnú* ruže líček, a udú // Sklesne plnosť spanilá! [Godra 1835: 226]².

Тем не менее Л. Штур, считавший звук *ä* «ненастоящим дифтонгом»³, т. е. таким, в котором два гласных – *i* и *a* – сливаются воедино и слышатся как один *e*-образный звук, не включает его в фонетическую систему литературного языка вследствие его не слишком широкого распространения, «сомнительного характера» и происходящей в настоящее время утраты [Štúr 1953 (1846): 174]. Л. Штур заменяет этот звук либо на *e*, либо на *a*, которые удивительным образом состав-

¹ Данный фрагмент представляет собой отрывок из стихотворения, который не был включен автором ни в один из своих сборников стихотворений. Был опубликован Й. Шкультеты в 1910 г. [Škultéty 1910].

² М. Годра, издатель альманаха «Зора», выходившего в 1835–1840 гг. в Буде, предлагал собственные правила создания текстов, базой которых он видел чешский язык, куда активно включались словацкие и прежде всего среднесловацкие элементы, в их числе был и звук *ä* [Lifanov 2010].

ляют пару по краткости и долготе не с дифтонгом *ia*, как это представлено в говорах среднесловацкого диалекта, а с дифтонгом *ie* (графически *je*), например: *peta* (*pata*) ‘пятка’ – род. пад. мн. ч. *pjet* [Štúr 1953: 199]; в среднесловацком диалекте: *rāta* (*peta*) – *riat*. Это, вероятно, связано с тем, что Л. Штур не хотел усложнять корреляцию краткого и долгого согласного *e ~ ie*, вводя в литературный язык дополнительную корреляцию *e ~ ia*, реально существующую в говорах среднесловацкого диалекта, в которых отсутствует фонема [ä].

Критики кодификации Л. Штура практически сразу же высказались за включение этой графемы в словацкий литературный язык. Так, М.М. Годжа полагает, что в орфографии словацкого литературного языка должна быть представлена не только рассматриваемая графема, но и графемы *ö* и *ü*, которые, как и графема *ä* (помимо рефлекса **ę*), могут обозначать видоизмененные гласные непереднего ряда в позиции после палатальных согласных [Hodža 1848: 92]. Автор «Краткой словацкой грамматики», объединившей в языковом отношении католиков и протестантов, М. Гаттала, изучив предложения М.М. Годжи, интуитивно осознает различие между звуком, обозначаемым графемой *ä*, с одной стороны, и звуками, обозначаемыми графемами *ö* и *ü*, – с другой. Последние представляют собой лишь варианты гласных непереднего ряда в позиции после палатального согласного, поэтому М. Гаттала их отсекает. В звуке же *ä* он различает два явления: особый звук, выступающий как рефлекс праславянского **ę* в позиции после твердых согласных, и вариант фонемы [a] в позиции после мягкого согласного и практически совпадающий с ним по звучанию звук *ä* в той же позиции; ср. характеристику рассматриваемого звука: «*ä*, соответствующее старославянскому *ę*, в котором после твердых согласных *ia* сливаются в одном *e*-образном звуке, напр.: *mäso*, *räť*, *räta*, стсл. *męso*, *reť*, *reťa*; после мягких же согласных он звучит практически как *a*, напр.: *jahňa*, *ovča*, стсл. *jagnię*, *ovče*, поэтому он удерживается только после твердых согласных» [Krátka 1852: 2]. Таким образом, в составе орфографической системы словацкого литературного языка оказывается графема *ä*, обозначающая специфический звук, выступающий после твердого согласного и являющийся рефлексом праславянского **ę*. Однако даже к кодификации фонемы *ä* он подходит осторожно: при перечислении «мягких» в его терминологии гласных, т. е. гласных переднего ряда, звук *ä* он помещает в скобки: (*ä*), *e*, *i*, *í*, *ia*, *ie*, *iu* [Krátka 1852: 3]. Заметим, что никакие произносительные варианты этой фонемы в «Краткой словацкой грамматике» не допускались.

Графема *ä* довольно быстро прижилась в словацком литературном языке, причем использовалась она не только в лексемах, в которых представлен рефлекс **ę*. Этот факт вполне объясним, поскольку лишь небольшое количество пользователей словацкого литературного языка могло знать о происхождении рассматриваемого звука, а списки словарных слов с этим звуком и соответствующей графемой отсутствовали. Авторы могли руководствоваться ситуацией в известных им говорах, где этот звук был представлен не только как рефлекс **ę*. В результате широкое распространение получило неверное с этимологической точки зрения написание некоторых слов с графемой *ä*, что побудило С. Цамбела в своем грамматическом труде специально привести их правильное написание [Czambel 1902: 8]. Ср. примеры из трудов известного историка Ф.В. Сасинька [Sasinek 1867, 1869]:

Pätoro (совр. слов. *pätoro*) synov Kubratových podelili si vládu otcovskú [1867: 111]; Od III. storočia ale, *najmä* (совр. слов. *najmä*) po páde ríše hunskej, šírenie sa Slovanov smerovalo na severozápad, západových a juhovýchod... [1867: 129]; Po *opätných* (совр. слов. *opä-*

tovných) ich vpádoch vyslaný bol prpti nim Chilvud, veliteľ Thracie... [1867: 138]; U čoho je patrne, že sa tuná rozumie Dacia zahrňujúca do *sebä* (совр. слов. seba) Potisie a Sedmohradsko [1867: 145–146]; I strana vojvodov v šiky sa *staväla* (совр. слов. stavala sa): Vladislav s vojskom byhorským postavený bol na ľavé krielo... [1867: 62]; ...keď však Leo zahrozil mu s cirkevnou *klätbou* (совр. слов. kliatbou), v Tribure prijal výminky pokoja... [1869: 41]; Stranu Beloslavovu podporoval Kazimir *smäly* (совр. слов. smelý), kráľ poľský [1869: 45]; *Nechýbälo* (совр. слов. nechýbalo) i na buričoch, na čele ktorých stál Ján, syn nekďajšieho Vathu [1869: 46]; ...dal razit' z ryzého zlata peniaze vysokej ceny dľa behu *peňäzi* (совр. слов. peňazi) byzantinských... [1869: 47]; Pokoj tento nebol porušený ani tým, že Vilem *hrábä* (совр. слов. gróf, чешск. hrábě) z Poitou, Ida, *hrábänka* (совр. слов. grófka, чешск. hráběnka) rakúska, Hugo veľký, Štefan z Burgundu a Velf z Bavor so svojimi križiakami tiahli cez Uhorsko [1869: 78] – V tom Uhri cez porúchané múry vrazili do *pomateného* (совр. слов. pomäteného, чешск. pomateného) mesta, a Nikitu, vödca Grékov a Bulharov, prinútili, utiahnuť sa do hradu [1869: 52].

Подобная ситуация сохраняется до конца XIX в., о чем, в частности, свидетельствует языковой материал газеты «Католицке новины», издававшейся в г. Трнава. Ср. примеры из номеров за 1889 и 1890 гг.

Jakisi bezbožníci napadli nedávno *pohräbný* (совр. слов. pohrebný) prövod, uchytili kríž s umrlčej truhly a hodili ho do rieky Tiberu [1890: 154]; Jesú teda výhľady, že pekný francúzsky národ *okräje* (совр. слов. okreje) životom novým, kresťanským, pripomínajúc si práve stoleté pamiatky pekelných hrôz krvavej války občanskej... [1889: 3]; Jedného dňa, keď priadzu svoju do mesta odniesla a domov sa vracala, zočila naraz jednu vznešenú, skvostne oblečenú, útleho síce a milého, ale i *blädého* (совр. слов. bledého) obličaja pannu... [1890: 155]; Zajiste ľahšie je, *kärovať* (совр. слов. kerovať / karovať) do tichej vody «modlime sa», než na búrne more «a pracujeme», jako to pozorujeme na celek čiare Cirkvi katolickej [1890: 82]; Mrtvá piesočnatá púšť, bydlisko divých šeliem, zaznievala žalmami a piesňami nábožnými, levi sa premenili na *bäránkov* (совр. слов. baránkov) [1890: 80]; Andrej mu tedy poslal sklenicu krásneho, žltého *mädu* (совр. слов. medu) a dal ho poprosiť, aby ho predsa len raz navštívil [1889: 71]; Štrnásťpatrový dom. ...Tak nedávno *vystaväť* (совр. слов. vystavať) si dal v Chicago istý bohatý Bostončan dom na štrnásť poschodí, mieňac väčky si plniť peniazmi prenájomníkov [1889: 72]; Ale sotvy že bolo hotové štrnaste poschodie, milá táto babylonská *väža* (совр. слов. вежа) skydla sa na kopu [1889: 72].

Из грамматики С. Цамбела, однако, мы узнаем, что в действительности в словацком литературном языке произошло лишь закрепление графемы ä, причем точно не определен круг лексем, в которых ее следует писать. В связи с этим он ограничивает ее написание только позицией после губных согласных: «Букву ä пишем только после согласных b, m, p, v; после других никогда» [Czambel 1902: 7]. Кроме того, он приводит слова и формы, в которых букву ä писать не следует: med, veža, teba, seba и др. [Czambel 1902: 8]. С. Цамбел также отмечает, что словаки испытывают значительные сложности при произнесении соответствующего звука, поэтому он поясняет, как этот звук нужно произносить: «Звук “ä” произносится как ea, т. е. e + a, произнесенные “залпом” быстро и резко, причем звук e слышится меньше, чем a... Вместо букв ä, ä¹ никогда не пиши сочетание ae» [Czambel 1902: 2]. При этом никаких замен этого звука другими звуками не допускалось, так как представлялось вполне перспективным его освоение пользователями литературного языка.

Вскоре, однако, ситуация начинает меняться. Уже в «Правилах словацкого правописания» 1931 г. [Pravidlá 1931] констатируется следующее: «Звук ä простой,

¹ С. Цамбел ввел также графему ä, которую предлагал фиксировать только в словах иностранного происхождения, например: prásens, но уже в первых «Правилах словацкого правописания» 1931 г. [Pravidlá 1931] эта графема была упразднена.

не сложный. Это очень открытое е, которое при произнесении приближается к звуку а и/или имеет окраску е. У кого возникают сложности при произнесении ä, произноси е, напр. *peť, meso, mekký, vezenie* и т. п., но *svätý* произноси с а». [Pravidlá 1931: 27]. Таким образом, впервые допускается вариантное произношение графемы ä. Более радикальную точку зрения высказывает наиболее видный словацкий лингвист первой половины XX в. Л. Новак, который полагает, что носители говоров с гласным ä в фонетической системе должны его произносить и в литературном языке, тогда как остальным лучше заменять его на е или а. По мнению Л. Новака, для замены в большей степени подходит звук е, в том числе и в слове *svätý*. При этом он высказывает мысль о том, что, поскольку количество носителей говоров, в которых представлен звук ä, невелико, отсутствует какая-либо надежда на его закрепление в фонетической системе литературного языка, поэтому этот звук вообще можно было бы из нее исключить [Novák 1934–35: 47]. Л. Новак, в целом, был сторонником возврата к шутовской орфографии, в связи с чем упразднение графемы ä с этой точки зрения было совершенно предсказуемым предложением. При этом он полагал, что произносить графему е, заменившую графему ä, можно было бы и как е, и как ä [Novák 1936: 83].

Лидер словацких пуристов и автор «Правил словацкого правописания» 1940 г. Г. Бартек также не настаивает на обязательном произнесении звука ä. Единственным словом, в котором он обязателен, по его мнению, является слово *svätý*. В остальных же случаях вполне допустима его замена гласным е [Pravidlá 1940: 31]. При этом начинает выкристаллизовываться сфера, в которой рассматриваемый звук действительно употребляется. Этой сферой оказывается театр, а звук ä превращается в атрибут сценического произношения, в наибольшей степени характерного для Словацкого национального театра, находящегося в Братиславе.

Между тем процесса расширения частотности звука ä в речи пользователей словацким литературным языком не наблюдается. Более того, начинается процесс утраты этого звука, причем как в нейтральном, так и в высоком стиле словацкого литературного языка. Это отражается и на рекомендациях лингвистов о его произношении. Последней грамматикой словацкого языка, в которой авторы настаивают на необходимости его произношения, стала широко известная и много раз переиздававшаяся «Словацкая грамматика» 1953 г. [Paulíny, Ružička, Štolc 1955: 35]. В то же время сохранялась точка зрения о том, что звук ä следует исключить из фонетической системы словацкого литературного языка. Так, например, В. Бланар отмечает, что большая часть словаков не может этот звук правильно произносить, причем даже те лингвисты, которые требуют узаконить подобное произношение как единственно верное, в своей собственной повседневной речевой практике произносят обычное е [Blanár 1951: 27].

В середине 60-х гг. в Словакии все более ощущается необходимость официального кодификационного труда по орфоэпии, который все еще отсутствовал. Существовало несколько работ, посвященных орфоэпии литературного языка, но они отражали индивидуальные точки зрения авторов и не имели общеобязательного характера. В связи с этим актуальным стал вопрос о том, что должно стать основой словацкой орфоэпии, а выбор этой основы непосредственно затрагивал и произношение отдельных звуков, в том числе и ä. В то время уже существовала точка зрения, восходившая к работам прежде всего Г. Бартека [Bartek 1944] и Я. Станислава [Stanislav 1953], что такой основой должно стать сценическое произношение, характерное главным образом для актеров Словацкого национального

театра. При этом оба названных автора настаивали на том, что по крайней мере в сценической речи произнесение звука *ä* должно быть обязательным. Эту точку зрения отстаивал также А. Краль, который полагал, что данный звук должен быть использован как стилистическое средство, а именно – как элемент высокого стиля [Kráľ 1964]. На возражение, что звук *ä* произносят не все актеры Словацкого национального театра, а только носители говоров, в котором этот звук присутствует, А. Краль отвечал, что актеры обучаются своей профессии и в процессе овладения актерским мастерством они должны научиться произносить и этот звук.

Против принятия за основу орфоэпии литературного языка сценической речи выступил Й. Лишка, который отметил, что сценическое произношение по сути является произношением старшего поколения интеллигенции среднесловацкого города Мартина. Городская речь, однако, не остается неизменной, поэтому основой орфоэпической нормы должна стать речь образованной мартинской молодежи. В отношении же гласного *ä* Й. Лишка заявляет, что его использование в литературном произношении в настоящее время большую часть словаков «удивляет» и вызывает у них «смешанные чувства», причем даже у мартинской молодежи, поэтому в будущей кодификации литературного произношения этого звука не должно быть, хотя его можно использовать на сцене для характеристики героев [Liška 1964: 201–202].

Л. Двонч соглашается с критическим отношением Й. Лишки к тому, чтобы основой кодификации литературного произношения стала сценическая речь, однако он выступает против того, чтобы орфоэпия литературного языка базировалась на городской речи Мартина и вообще – исключительно на среднесловацкой основе. По его мнению, словацкий литературный язык используется всеми словаками, а при вышеназванном подходе словаки, проживающие в Западной и Восточной Словакии, оказываются лишь пассивными реципиентами литературного языка. В действительности же в формировании нормы литературного языка принимают участие все словаки, поэтому, с его точки зрения, необходимо изучить реальное состояние литературного языка в разных регионах Словакии и на основе результатов этого изучения кодифицировать орфоэпию литературного языка [Dvonč 1965: 144]. Понятно, что при таком подходе места для звука *ä* в фонетической системе словацкого литературного языка не нашлось бы.

В целом можно констатировать, что уже в середине 60-х гг. XX в. ситуация с произношением звука *ä* была критической, о чем, в частности, свидетельствует высказывание школьного учителя В. Кривоша, который отмечает, что его верное произнесение можно услышать редко. «Учеников мы его не научили произносить. Это не удивительно, когда мы сами его не используем... Как же нам его воскресить и удержать!» (цит. по: [Dvonč 1965: 150]). И далее он подчеркивает, что даже если бы учитель произносил звук *ä*, отсутствовали бы какие-либо гарантии того, что ученики освоят такое произношение, потому что везде в своем окружении – в семье, по радио и телевидению, в театре и кинотеатре – они слышат, как правило, обычное *e* [там же].

Написанием кодификационного пособия по словацкой орфоэпии занимался А. Краль, первоначально сторонник обязательного произношения звука *ä* в сценической речи. Вероятно, его точка зрения нашла поддержку Э. Паулини, который интерпретирует этот звук как элемент «высшего» стиля, как факультативный стилистический вариант или часть устаревшей нормы [Pauliny 1979: 128]. В 1979 г. в качестве пробного варианта кодификации выходит «Настольный словарь сло-

вацкого произношения» [Kráľ 1979], а в 1984 г. – «Правила словацкого произношения» [Kráľ 1984], являющиеся кодификационным пособием по орфоэпии литературного языка до настоящего времени. А. Краль вводит понятие надстандарта, к которому он относит звук *ä*, и слова с этим звуком приводит в качестве орфоэпических вариантов, помечает их звездочкой (*) и не требует обязательного произнесения этого звука.

Между тем к этому времени утрачивается и восприятие звука *ä* как части сценического произношения, о чем свидетельствуют заметки В. Углара, присутствовавшего на общесловацком конкурсе молодых чтецов «Кубин Гвездослава» и отметившего, что чтецы вообще не произносили звук *ä*, что, по мнению автора, необходимо в высоком стиле словацкого литературного языка [Uhlár 1980a, 1980b]. Это, однако, был уже, пожалуй, последний призыв произносить звук *ä* хотя бы в сценической речи.

В последующее время в теоретической плоскости появилась интерпретация словацкой фонологической системы как состоящей из двух норм: основной, под которой понимается пятичленная система кратких фонем в виде треугольника без фонемы [ä], и вторичной, изображаемой в виде прямоугольника и включающей в себя фонему [ä] [Sabol 1989: 134–180].

Кодификация произношения до нашего времени не изменилась, однако следует отметить, что процесс утраты словацким литературным языком находится в завершающей стадии. Носители словацкого литературного языка воспринимают сейчас этот звук как диалектный. В «Правилах словацкого правописания» 2000 г. уже не отмечаются особенности произношении звука / звуков, обозначенных графемой *ä*, а в основном современном учебнике словацкого языка для иностранцев констатируется, что *ä* является лишь графемой, обозначающей звук *e*: *päť* [peť], *mäso* [meso], *deväť* [deveť], *bábätko* [bábetko] [Kamenárová a kol. 2007: 13].

Таким образом, завершается история фонемы [ä] в словацком литературном языке, которая, несмотря на усилия лингвистов, не смогла стать полноценным компонентом его фонологической и фонетической систем и в настоящее время близка к полному исчезновению. Графема же *ä* практически превратилась в элемент орфографии аналогично графемам *u* и *ú*, а прямоугольная схема кратких вокалических фонем словацкого литературного языка фактически превратилась в треугольную:

При этом графема *ä* остается необходимой, так как сигнализирует то, что при продлении обозначаемый ею звук изменяется в дифтонг *ia*, а не *ie*. Кодификация же остается прежней, что можно объяснить тем, что фонема *ä* является одним из ярких дифференциальных признаков словацкого языка, поэтому решиться на его упразднение из фонологической системы литературного языка психологически сложно.

Мягкое *Ľ* в говорах словацкого языка имеет значительно большее распространение, чем *ä*, поскольку оно встречается не только в среднесловацком диалекте, но и в восточнословацком и даже в ряде северных говоров западнословацкого диалекта. Спецификой его распространения в среднесловацком диалекте является то, что в речи жителей среднесловацких городов оно утратилось, приобретя таким образом признак речи сельского населения. Так, Я. Станислав писал о том, что в центральном Липтове, говоры которого наиболее близки словацкому литературному языку, мягкое *Ľ* считается неэстетичным звуком и признаком деревенского происхождения говорящего [Stanislav 1932: 199].

Несмотря на это, мягкое ʀ было включено А. Бернолаком в состав консонантной системы первой кодифиции словацкого литературного языка (1787 г.). При этом, заметим, реализация мягкого ʀ в кодификации А. Бернолака была непоследовательной и имела заметные отклонения от его функционирования в среднесловацком диалекте [Lifanov 2013: 180–181]. Последователи же А. Бернолака воспринимали звук ʀ неоднозначно, поэтому в более поздних бернолаковских текстах он начал утрачиваться [Лифанов 2012/13: 258–260].

Кодификатор нового словацкого литературного языка Л. Штур (1844 г.) негативно оценивает возможность включения мягкого ʀ в фонетическую систему словацкого литературного языка. По его мнению, этого не позволяет сделать то, что названный звук встречается в речи лишь небольшого числа словаков, да и у них он исчезает. Кроме того, этому препятствует и эстетическое восприятие мягкого ʀ: вследствие того, что этот звук «слишком растекается», он производит впечатление неприятного звука детской речи, поэтому из «чистого словацкого языка» его необходимо исключить. Сразу же после выхода «Науки о словацком языке» Л. Штура, однако, высказывается и иная точка зрения, согласно которой мягкое ʀ должно быть представлено в фонетической системе словацкого литературного языка. Это мнение сначала высказывает протестант М.М. Годжа, а затем повторяет в своей написанной на латинском языке грамматике католик М. Гаттала [Jóna 1946: 105]. В компромиссной кодификации словацкого литературного языка 1852 г., объединившей в языковом отношении протестантов и католиков, этот звук был включен в его фонетическую систему.

Мягкое ʀ, однако, с трудом «приживалось» в новом литературном языке. Так, например, в труде известного историка Ф.В. Сасинек при обозначении ʀ находим отклонения:

...ked' však Leo zahrozil mu s cirkevnu klätbou (совр. лит. klatbou¹), v Tribure prijal výminky pokoja... [Sasinek 1867: 41]; Salamon dobre znajúc, že vojvodovia nenechajú ho na pokoji, sobral bez oddychu pozostalé vojsko svoje a opevnil hrad Mútnenský (Mošoňsky) a Bratislavský, aby sa aspoň dotial (совр. лит. dotial') udržať mohol, dokiaľ mu opäť dáka nemecko-česká pomoc nepride [Sasinek 1867: 65]; Ostatné sni svoje v žialu (совр. лит. žiaľ') a bólu (совр. лит. ból') dokonala a pohrbený bol v Pečuchove [Sasinek 1869: 37]; Pred smrťou sv. Štefana musel i on s Andrejom a Leventom, uprchnúť do Čiech, odtialto (совр. лит. odtiaľto) do Poľska, kde sa tiež oženil [Sasinek 1869: 38–39]; Ty – obrátený k Vidovi pokračoval – schvaluješ (совр. лит. schvaľovať') pánu a kráľovi svôjmu vedenie krvavej války s jeho pokrevnými [Sasinek 1869: 60].

В конце XIX в., в критический период развития словацкого литературного языка, когда его нормы были существенно расшатаны, ситуация с отражением мягкого ʀ достигла наивысшей точки неопределенности. Как показывает материал газеты «Католицке новины» за 1890 г., многие авторы обозначали мягкость этого согласного произвольно, поэтому в большом числе примеров, где оно должно быть обозначено, мы обнаруживаем его отсутствие, и, напротив, статьи из этой газеты изобилуют примерами его неверного обозначения:

Že som vychovateľke trirazy noclah (совр. лит. nocľah) dala, ano, to je pravda, to nemôžem tajiť; ...klesol na postel (совр. лит. postel'), nevediac ani sám o sebe, ani o celom svete; Avšak neutrácajme mysel (совр. лит. myseľ') pri smutnom pohľade tomtó; Chváľme (совр. лит. chváľme) Boha vo svätých Cyrillu a Methodovi!; Jeden polovník (совр. лит. poľovník)

¹ Перед гласными переднего ряда е и і, а также дифтонгами іе, іа, іу мягкость согласных не обозначается. В приведенном же примере согласный l является твердым, поскольку в актуальной в то время кодификации графема ä была невозможна после мягкого согласного.

zablúdil na honbe od spoločníkov svojich; Hneď počula, že je *pytlákom* (совр. лит. pytliak), hneď zase o ňom vraveli, že sa k zlodejom a lúpežníkom pritoval; Máme jeho srdce a poctivé mravy *dovolovať* (совр. лит. dovoľovať) tráviť a kaziť?;

Je však istý *rozdiel* (совр. лит. rozdiel) medzi opatrnosťou, ktorá vo verejnom, a tou, ktorá v súkromnom živote potrebná je; Kto uznáva totiž učenie Cirkve za *neomylné* (совр. лит. neomylný) pravidlo viery svojej, ten prijíma všetko, čo Cirkev učí...; ...útle opatrovanie každej zvláštnosti spojoval s obetivým *myslom* (совр. лит. zmysel) pre všeobecnosť...; S malou *odchýlkou* (совр. лит. odchýlka) foriem tak samo v gréčtine, čo však rozberať nenie tuná na mieste; Anđel ohnivou *strelou* (совр. лит. strela) jej ho poranil; Poliaci podali v pruskom sneme školský návrh vyzývajúci vládu, aby zrušila nálezy, ktorými sa materská reč dietok zo školského vyučovania *vylučuje* (совр. лит. vylučovať).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в речи авторов этих текстов мягкое ʀ отсутствовало, так как они имели проблемы с обозначением или необозначением этого звука в конкретных лексемах. Это подтверждает «Руководство по словацкому языку» С. Цамбела, выполнявшее функцию кодификации словацкого литературного языка в первые десятилетия XX в. Его автор аналогично словарным словам, в которых пишутся *i* (*i*) и *y* (*y*), обозначающие один звук, приводит также списки слов с твердым *l* и мягким ʀ [Czambel 1902: 17–21]. Иными словами, для многих носителей словацкого литературного языка различие между твердым *l* и мягким ʀ существовало лишь на уровне орфографии.

В первые десятилетия XX в. в словацком литературном языке все же происходит некоторая стабилизация позиции мягкого ʀ (во всяком случае в области орфографии), хотя проблемы продолжают сохраняться. Одна из причин этого кроется в том, что в это время в средних и даже начальных школах в Словакии вследствие отсутствия собственных кадров преподавали педагоги из Чехии и Моравии, которые сами не владели правильным произношением этого звука, так как в чешском языке он отсутствует. В связи с этим на литературную речь сильное влияние оказывал родной диалект учеников, поскольку они не приобретали необходимые произносительные навыки в школе. В результате происходил перенос диалектных позиций смягчения парных согласных по твердости-мягкости, включая пару *l* ~ ʀ, в литературный язык, на что указывал Л. Новак, который отмечал, что носители западнословацкого диалекта не должны забывать о том, что в словацком литературном языке мягкие *d*, *t*, *ň* представлены в значительно большем объеме, тогда как носителям восточнословацкого диалекта и многих среднесловацких говоров, особенно из Новограда и Гемера, напротив, следует использовать мягкое ʀ только в сочетаниях *ʀe*, *ʀi*, *ʀie*, *ʀia*, *ʀiu*, а также там, где оно графически обозначается, т. е. в типах *vôľa*, *ʀud* [Novák 1934–35: 55].

«Правила словацкого правописания» 1940 г. [Pravidlá 1940] не вносят никаких изменений в произношение рассматриваемых сочетаний звуков. Однако языковеды проявляют серьезное беспокойство в связи с реальной ситуацией с произнесением мягкого ʀ и видят в этом прямое следствие изучения словацкого языка в школах. Так, В. Углар отмечает, что в школах ученики прежде всего обучаются правильно писать, но их не учат правильно произносить. В результате у учеников возникает связь орфографии с произношением. Следствие этого проявляется, например, в том, что восточнословацкие гимназисты без проблем употребляют мягкое ʀ, когда они говорят на диалекте, но когда они начинают говорить на литературном языке, частотность этого звука существенно снижается, так как они за-

меняют его твердым l в позициях, в которых мягкость не обозначается, т. е. перед гласными переднего ряда [Uhlár 1940: 208].

После Второй мировой войны проблема мягкого Ľ в словацком литературном языке не снимается. Авторы подчеркивают необходимость его сохранения в словацком литературном языке, причем не только как графемы, но и как самостоятельного звука, несмотря на то что оно «продолжает утрачивать свои позиции как в литературном языке, так и в говорах» [Dvonč 1949–50]. При этом, однако, отмечается, что мягкое Ľ продолжает преобладать в западнословацком тренчинском Поважье, многих среднесловацких говорах и в восточнословацком диалекте в целом [Habovštiak 1952–53]. При этом исследователи обращают внимание на то, что ситуация начинает развиваться по-разному в позициях, в которых мягкость графически обозначается и не обозначается. Не случайно А. Габовштьяк исследует распространение мягкого Ľ именно в группах le, li [ibid], а В. Углар прямо заявляет о том, что именно необозначение мягкости способствует тому, что ослабевает положение фонемы [Ľ] в системе консонантизма словацкого литературного языка, поскольку многие его носители вместо звука Ľ произносят твердое l [Uhlár 1958]. Таким образом, обозначается проблема, которая во всей остроте предстает уже через десятилетие.

Возникшая проблема восходит к «Краткой словацкой грамматике» [Krátká 1852]. До нее в словацком литературном языке была представлена иная система обозначения мягкости парных мягких согласных. В орфографической системе как А. Бернолака, так и Л. Штура мягкость согласного обозначалась в обязательном порядке, так как в ней отсутствовали графемы u и ú, использующиеся в чешском литературном языке для этимологического обозначения соответствующих звуков, совпавших в процессе развития фонетических систем обоих языков соответственно со звуками i и í. Введение же этих графем в словацкий литературный язык делало избыточным обозначение мягкости согласных, поскольку их мягкость за некоторыми исключениями сигнализируют графемы i и í. По аналогии со звуками i и í мягкость также перестали обозначать и перед гласным e, так как чешская графема ě в словацкий литературный язык введена не была, что создало определенные проблемы при чтении текстов, поскольку в диалектах словацкого языка палатализация согласных происходит в разных позициях, которые определяются происхождением названных гласных. Спустя почти столетие изменение принципа обозначения мягкости согласных породило проблему произнесения согласного l перед гласными e и i и дифтонгами ie, ia, iu.

Эта проблема обсуждалась в дискуссии 1952–1953 гг. о разрабатываемых новых «Правилах словацкого правописания». Я. Горецкий и Ш. Пециар предложили допустить произношение сочетаний le, li, lie, lia, lia без смягчения l в качестве равноценного Ľ, обосновывая это тем, что оно чрезвычайно распространено среди словаков. Авторы подчеркивают, что для значительной части словаков мягкое Ľ не является звуком, усваиваемым в детстве, поэтому они должны овладеть его произношением в школе. К сожалению, обучение в школе нацелено главным образом на орфографию, а не на произношение; в учебных пособиях, как правило, указывается, в каких позициях следует писать мягкое Ľ. В результате школьники начинают произносить этот звук именно там, где обозначена мягкость. На упрек в том, что кодификация твердого l в указанных позициях будет уступкой западнословацкому произношению, они отвечают, что западнословацкое произношение нельзя априорно считать недопустимым в литературном языке, тем более что це-

лтый ряд явлений западнословацкого диалекта в литературном языке представлен, став элементами общенациональными. Также они отмечают все возрастающее влияние на литературный язык речи столицы страны города Братиславы, расположенного в Западной Словакии, и западнословацкие элементы проникают даже в речь дикторов радио и телевидения [Horecký, Peciár 1952–53: 44–46]. Однако несмотря на то, что Ш. Печиар являлся главным редактором «Правил словацкого правописания» 1953 г. [Pravidlá 1953] и в первоначальном их варианте был пункт о дwoяком произношении *l* перед гласными переднего ряда, в окончательном варианте это предложение принято не было.

Во время дискуссии об основе орфоэпии словацкого литературного языка отмечалось, что даже в речи носителей словацкого литературного языка, включая известных актеров, деятелей культуры и ведущих языковедов, наблюдается чрезвычайная пестрота в произнесении рассматриваемых сочетаний: одни из них произносят мягкое *l* в соответствии с действующей кодификацией, другие, напротив, согласный *l* последовательно не смягчают, а в речи третьих твердое *l* и мягкое *l* варьируются без каких-либо закономерностей [Liška 1964].

В начале 70-х гг. XX в. было проведено исследование функционирования словацкого литературного языка в Восточной Словакии, которое выявило, что даже для носителей восточнословацкого диалекта, в котором представлено мягкое *l*, его произношение приобретает маркированный характер и ассоциируется именно с диалектом, поэтому, говоря на литературном языке, восточные словаки перестают его произносить [Brabcová 1971]. Новейшие исследования в этой области показывают, что ситуация с произношением мягкого *l*, в частности в Восточной Словакии, не изменилась или даже усугубилась, причем наиболее проблемным остается произношение мягкого *l* в сочетаниях *le, li, lie, lia, liu* [Kraviarová 2012].

В официальной кодификации словацкой орфоэпии требуется обязательное произнесение перед гласными переднего ряда мягкого *l* [Kráľ 1984], однако разные точки зрения на эту проблему продолжают сохраняться. Так, Я. Финдра предлагает вновь вернуться к обсуждению допустимости дwoякого произношения мягкого *l* перед гласными переднего ряда, подчеркнув, что следует учитывать реальную ситуацию, а приказами и инструкциями изменить положение дел невозможно [Findra 2011: 60]. Э. Тибенска полагает, что произнесение мягкого *l* в настоящее время является надстандартным, а произнесение твердого *l* в этих сочетаниях уже считается стандартным [Tibenská 2012: 35]. Заметим, однако, что официального подтверждения этого в кодификации отсутствует. Но понятно, что произнесение твердого *l* перед гласными переднего ряда в словацком литературном языке в настоящее время является нормой. Исходя из того, что кодификация литературного языка стремится отражать его норму, представляется, что это явление должно быть узаконено в литературном языке. Однако при этом возникают проблемы, связанные с положением мягкого *l* в фонологической системе словацкого литературного языка, в котором представлены четыре парные согласные по твердости – мягкости: *t ~ t'*, *d ~ d'*, *n ~ ň* и *l ~ l'*. Нормой словацкого литературного языка является смягчение парных по твердости – мягкости согласных в определенных грамматических формах, например, в дат. и предл. падежах существительных женского рода твердой разновидности. В отношении первых трех указанных выше согласных это правило последовательно реализуется, однако в отношении согласного *l* не работает. Ср. примеры: *cesta* «дорога» ~ *ceste* [cest'e], *brada* «борода» ~ *brade* [brad'e], *stena* «стена» ~ *stene* [st'eňe], но *stodola* «амбар» ~ *stodole*

[stodole]. Более того, в некоторых грамматических формах происходит отверждение мягкого согласного перед гласным переднего ряда! Например, в формах косвенных падежей в парадигмах существительных женского рода с нулевой флексией в им. падеже ед. числа (ocel' «сталь» ~ род. ед. ocele [ocele], čereľ «лезвие» ~ род. ед. čerele [čerele]) или в им. падеже мн. числа неодушевленных¹ существительных мужского рода (motýľ «бабочка» ~ motýle [motýle], hýľ «снегирь» ~ hýle [hýle]). Кроме того, в словацком литературном языке уже существует кодифицированное отклонение в функционировании пары l ~ ľ. Как известно, наличие в конце основы твердого или мягкого согласного определяет включение существительного в парадигму склонения твердой или мягкой разновидности. В указанной же паре согласных, однако, фиксируется сбой, поскольку неодушевленные существительные мужского рода с основой на твердое l могут склоняться по твердой, смешанной и мягкой разновидности; см. примеры: им. пад. ед. ч. kokteil «коктейль», hotel «гостиница», bicykel «велосипед»; им. пад. мн. ч. kokteily, hotely, bicykle; предл. пад. ед. ч. kokteile, hoteli, bicykli².

В самое последнее время в словакистике получает распространение точка зрения, согласно которой в словацком литературном языке представлены не два, а три вида l: твердое, полумягкое и мягкое. Эта точка зрения восходит еще к работе Б. Галы «Основы словацкого произношения и его сравнение с чешским произношением» / «Základy výslovnosti slovenské a srovnání s výslovností českou» (Praha, 1929) [Ondrejovič 2011: 43] и находит подтверждение в экспериментальных исследованиях, проводимых при помощи специальной аппаратуры [Pavlík 2010: 156]. При этом данное явление определяется как коартикуляция (аккомодация) и наблюдается как факультативное явление в позиции перед гласными переднего ряда и указанными дифтонгами, а потому для решения рассматриваемой нами проблемы оно нерелевантно, так как не имеет отношения к фонологическому уровню.

Таким образом, перед кодификаторами словацкого литературного языка стоит сложная задача. С одной стороны, кодификация должна отражать норму, что подчеркивается в ее определениях, поэтому решение данной проблемы не представляется сложным. С другой стороны, в результате устранения из нее гласного ä словацкий язык лишится одной из наиболее ярких черт, выделяющих его среди других славянских языков, а в случае допущения отсутствия смягчения согласного l будет узаконено очевидное нарушение системы, еще более ослабляющее положение пары l ~ ľ. Представляется чрезвычайно интересным, какой выход из данной ситуации будет найден.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Лифанов К.В. Метафорозы кодификации А. Бернолака // Zeitschrift für Slavische Philologie. 2012/13. № 69. Heft 2. S. 247–280 / Lifanov K.V. Metamorphoses of A. Bernolák Codification. Zeitschrift für Slavische Philologie. 2012/13. No 69. Heft 2, S. 247–280.

Лифанов К.В. Проблема диалектной основы словацкого литературного языка, кодифицированного А. Бернолаком // Славяноведение. 2013. № 1. С. 83–90 / Lifanov K.V. The Problem of Dialect Basis of the Slovak Literary Language Codified by A. Bernolák. Slavyanovedenie. 2013. No 1, pp. 83–90.

¹ Названия животных мужского рода в словацком литературном языке при нейтральном употреблении в ед. числе склоняются как одушевленные, а во мн. числе как неодушевленные существительные.

² Курсивом выделены формы, образованные по мягкой разновидности склонения.

- Bartek H. (1944) Správna výslovnosť slovenská (aj s výslovnostným slovníkom). Bratislava – Turč. Sv. Martin: Ján Horáček. 1944. 316 s.
- Bernolák A. Slovenská gramatika. In: Pavelek J. (ed.). Gramatické dielo Antona Bernoláka. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied. 1964, ss. 113–424.
- Blanár V. Dejiny jazyka a periodizácia dejín slovenčiny. *Jazykovedný sborník*. 1951. No 5, ss. 10–29.
- Brabcová R. Mluvená spisovná slovenština. *Naše řeč*. 1971. No 54. Č. 1, ss. 48–51.
- Czambel S. (1902) Rukoväť spisovnej reči slovenskej. Turčiansky Sv. Martin: Kníhtlačiar-sky uč. spolok. 1902. 375 s.
- Dvonč L. O niektorých problémoch slovenskej výslovnosti. *Slovenská reč*. 1965. No 30. Č. 3, ss. 143–153.
- Findra J. Mäkkostná korelácia a spoluhláska Ľ. *Slovenská reč*. 2011. No 76. Č. 1–2, ss. 56–62.
- Godra M. (ed.). Zora. Almanach. V Budíně: Král. univers. tiskárna. 1835. 284 s.
- Hodža M.M. (1848) Větín o slovenčině. Levoča: J. Werthmüller. 100 s.
- Horecký J., Peciar Š. K jednotlivým bodom novej pravopisnej úpravy. *Slovenská reč*. 1952–53. No 43, ss. 35–47.
- Hroboň S.B. Slowenské pesničky. Sielnica, 1841 (rukopis).
- Jóna E. Poznámky k návrhom na reformu slovenského pravopisu (Pokračovanie). *Slovenská reč*. 1946. No 12. Č. 3–4, ss. 103–113.
- Kamenárová R., Španová E., Tichá H., Kleschtová Z., Mašaťová M. (2007) Krížom krážom. Slovenčina A1. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, Filozofická fakulta. 190 s.
- Katolícké noviny. 1889–1890.
- Kollár J. (1953) Národné spievanky, Diel I, II. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry. 687 s.
- Kráľ Á. O kultúre slovenskej výslovnosti. *Kultúrny život*. 1964. No 19. Č. 31, s. 8.
- Kráľ Á. (1979) Príručný slovník slovenskej výslovnosti. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo. 648 s.
- Kráľ Á. (1984) Pravidlá slovenskej výslovnosti. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo. 632 s.
- Krátka mluvnica slovenská. V Prešporuku: Schmid. 1852. 65 s.
- Lifanov K. Almnach Zora a štúdium dejín spisovnej slovenčiny. *Opera Slavica. Slavistické rozhledy. Jazykovedný sešit*. 2010. No XX, ss. 34–42.
- Lifanov K. Kodifikácia Antona Bernoláka a jej realizácia v praxi (na príklade párovýchmäkkých spoluhlások). V: Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Philologica, LXXII. Slovo a tvar v štruktúre a v komunikácii. Bratislava. 2013, ss. 179–192.
- Liška J. O niektorých problémoch slovenskej spisovnej výslovnosti. *Slovenská reč*. 1964. No 29. Č. 4, ss. 193–210.
- Novák Ľ. K základom slovenskej ortoepie. *Slovenská reč*. 1934–35. No 3. Č. 2–3, ss. 42–65.
- Novák Ľ. Návrat k štúrovskému pravopisu. *Slovensko*. 1936. No 3, ss. 81–84.
- Ondrejovič S. Problém palatálneho / nepalatálneho Ľ / l v spisovnej slovenčine najmä v pozíciách pred e, i. V: Žigová Ľ. – Vojtech M. (editori). Slovenčina (nielen) ako cudzí jazyk v súvislostiach. Pri príležitosti životného jubilea doc. PhDr. Jany Pekarovičovej, PhD. Bratislava. 2011, ss. 43–54.

Patráš V. K dynamike noriem v hovorenej komunikácii obyvateľov centrálnej časti stredného Slovenska. V: Gálisová A. (ed.) Dynamika spoločenských zmien a stratifikácia národného jazyka. Zborník príspevkov z konferencie konanej 13.04.2010 v Banskej Bystrici. Banská Bystrica. 2012, ss. 69–81.

Pavlík R. Akustické a auditívne vlastnosti slovenských laterálnych konsonantov i, ĺ. Spektrálne parametre pred e, i, í, ia, ie, iu v domácich slovách. *Slovenská reč*. 2010. No 75. Č. 3, ss. 143–158.

Pauliny E., Ružička J., Štolc J. (1955) Slovenská gramatika. Martin: Vydavateľstvo Osveta. 103 s.

Pauliny E. (1979) Slovenská fonológia. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo. 216 s.

Pravidlá slovenského pravopisu s abecedným pravopisným slovníkom. Turč. Sv. Martin: Matica slovenská. 1931. 37 s.

Sabol J. (1989) Syntetická fonologická teória. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra. 253 s.

Sabol J. Dynamika fonickej sústavy slovenčiny v ostatných desaťročiach. V: Zborník SAS. XXXIII. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, Filozofická fakulta. 1997, ss. 137–147.

Sasinek F.V. (1867) Dejiny drevných národov na území terajšieho Uhorska. V Skalici: tlač F.X. Škarnicl a synov. 254 s.

Sasinek F.V. (1869) Dejiny kráľovstva uhorského, Diel I. V Banskej Bystrici: F. Machold. 354 s.

Slančová D., Sokolová M. Návrat k varietám hovorenej podoby slovenčiny na východnom Slovensku po pätnástich rokoch. V: Ološtiak M., Ivanová M., Slančová D. (ed.). Vidy jazyka a jazykovedy. Na počesť Miloslavy Sokolovej. Prešov. 2011, ss. 341–357.

Stanislav J. (1932) Liptovské nárečia. Turčiansky Sv. Martin: Matica slovenská. 562 s.

Stanislav J. (1953) Slovenská výslovnosť: príručka pre umelcov a iných verejných pracovníkov. Martin: Osveta. 295 s.

Škultéty J. Literatúra a umenie. *Slovenské pohľady*. 1910. No 30, ss. 380–384.

Štolc J. (1994) Slovenská dialektológia. Bratislava: Veda, Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied. 179 s.

Štúr Ľ. Nauka reči slovenskej. V: Štúr Ľ. Dielo v piatich zväzkoch. Zväzok V. Slovenčina naša. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry. 1957, ss. 153–253.

Tibenská E. (2012) Slovenčina v zrkadle vnútorných a vonkajších vzťahov. Slovački jezik u zrcalu unutrašnjih i vanjskih odnosa. Zagreb: FF press. 152 s.

Uhlár V. Slovenské ĺ (príspevok k slov. ortoepii, k nápravným cvikom). *Slovenská reč*. 1940. No 8. Č. 7–9, ss. 204–211.

Uhlár V. Recitácia – umenie, hodnotenie – škola (alebo Fejtón celkom zo života). *Javisko*. 1980a. No 12, ss. 269–270.

Uhlár V. Detskí recitátori na Hviezdoslavovom Kubíne. *Javisko*. 1980b. No 12, ss. 5.

Сведения об авторе:

Константин Васильевич Лифанов,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Konstantin V. Lifanov,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
lifanov@hotmail.com